

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

А.Д. Воскресенский

О мировой политике как о современном феномене международных отношений можно говорить определенно с конца XIX в., когда начало реально формироваться международное сообщество, существовавшее до этого в виде различных цивилизационных миров, не связанных в единую международную систему. Только к середине XX в. колониальное и зависимое политико-экономическое состояние стран Востока, составляющих большинство стран мировой системы, но присоединившихся к ней в конце XIX — начале XX в., в основном на правах ее вспомогательных и зависимых частей, сменилось поисками своего собственного суверенного пути развития. После обретения независимости в странах Востока постепенно наметились существенные сдвиги, там утвердились различные формы сосуществования индустриальных и аграрных секторов с превалированием индустриальных в наиболее продвинутых странах, а традиционная система общественной жизни начала трансформацию в систему анклавного или анклавно-конгломеративного типа со сложным взаимоотношением традиционно зависимых групп, расширяющейся осовременивающейся политической элиты и синтезом «восточных» и «западных» цивилизационных компонентов в зависимости от внутренней способности восточных обществ к модернизации и трансформации. В целом этот процесс проходил в рамках сначала колониальной модели развития, а затем — догоняющей модели экономической и политической модернизации и сопровождался до конца XX в. зависимым и/или соподчиненным внешнеполитическим развитием.

Современная теория международного развития называет четыре главные структурные причины усиления неравномерной значимости национальных государств в системе мировых отношений: **глобализация, модернизация, интеграция и регионализация**. Неоднородность мирового политико-экономического пространства приводит к тому, что в различных пространственных сегментах мира, имеющих собственные формы эволюционирующей внутренней организации, каждый из этих процессов имеет свою скорость и форму протекания и, соответственно, по-разному влияет на региональную структуру, определяя своеобразие региональных подсистем международных отношений в рамках единой международной системы. В конечном счете, именно эти причины и определяют успех моделей развития тех или иных государств, способствуя или препятствуя их подъему или упадку, в конечном счете определяя характер мировой системы отношений и направление ее развития.

В Европе, развивающейся экономически и политически поступательно на протяжении последних 200 лет, модернизация и интеграция были и являются важнейшими факторами и стимулами внутреннего развития. Ни на одном континенте мира интеграционные процессы не идут с такой скоростью, не достигают такого объема и глубины. Даже мировой финансово-экономический кризис не смог затормозить этих процессов, а заставил приступить к проработке моделей дальнейшей «гибкой» и «разноскоростной» интеграции «ядра» ЕС. Несомненно влияние этих процессов на развитие Северной Америки, привед-

шее сначала к выдвижению США в лидеры мирового экономического развития, предлагавшего в течение долгого времени эталон для решения экономических и политических проблем, затем после образования ЕС стимулировавшего появление интеграционной модели по типу НАФТА, а затем Тихоокеанского партнерства, центрированных вокруг США. Регионализация, в свою очередь, приводит к снижению региональных диспропорций, сближению темпов и уровня развития регионов, созданию предпосылок для дальнейшей интенсификации интеграционных процессов, в частности, путем развития трансграничных «треугольников роста» и трансграничного сотрудничества. Эта проблематика находится в центре единого комплекса учебных и научных дисциплин, получивших название Европейских (European Studies) и Американских исследований (American Studies), предметным полем которых фактически является комплексный политико-экономический анализ региональных моделей развития двух крупнейших пространственных сегментов западного мира, оформленных в виде единого транснационального политического пространства¹. В центре направления Европейских исследований, как правило, находятся процессы европейской интеграции и ее внутренних и внешних последствий, а в центре Американских исследований — роль США в формировании различных «поясов» и сфер мировой и региональной политики преференциального типа, центрированных «вокруг» этого мирового и регионально-го лидера. Поскольку все эти процессы связаны с распределением и перераспределением влияния в мировой системе и структурах международного управления, подъемом и упадком государств, характером и методами управления мировыми процессами, то по своему типу такого рода анализ относится к области международного политического и политико-экономического анализа, обладающего

своей спецификой методологии постановки и решения проблем, связанной со спецификой предмета исследования: явлениями анархизированного (т.е. происходящего в отсутствие мирового суверена), но определенным образом упорядоченного содержательного и пространственно-временного взаимодействия суверенных государств и других акторов мировой политики в форме международной жизни, укорененной в региональной сфере².

Политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI в. привели к тому, что современный мир вступил в такой новый этап своей эволюции, когда уже отнюдь не исключительно западные страны, как это происходило в XIX и XX вв., стали определять не только сами параметры этой эволюции, но и научные рамки ее осмысления. Существовавший до последней четверти XX в. «разрыв» между мировой политикой глобального уровня и внешними политиками государств-наций стал заполняться быстро расширяющимся пространством регионального и макрорегионального/трансрегионального взаимодействия, которое стало постепенно менять сложившиеся параметры глобального взаимодействия, сначала для западных стран, а затем и для восточных. Естественно, что эти новые явления получают отражение как на уровне теоретического осмысления, так и в практике мировой политики и внешнеполитического взаимодействия. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в незападных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы. В то же время характер процессов, происходящих в этом макро-региональном сегменте мира, известен значительно меньше, в целостном виде

практически не представлен в мировом научно-образовательном пространстве, так как долгое время считался второстепенным, в то время как без анализа этой проблематики сегодня ни один учебник мировой политики, международных отношений или международной политической экономики не может считаться адекватно отражающим мировую реальность. Дело в том, что на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения сравнительно-политической перспективы заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире, а ролью Востока в мировой политике пренебрегалось, либо она практически не учитывалась, считаясь второстепенной, прежде всего с точки зрения влияния на мировую политику, творившуюся великими ядерными державами. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных экономических реалиях и логике биполярного противостояния великих ядерных держав, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара в полной мере, без их модификации, либо с незначительной модификацией. Это в конечном итоге стало вызывать существенные искажения в понимании характера политических процессов в западных регионах мира, Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели не просто к «западоцентризму»/«европоцентризму», «востокоцентризму»/«китацентризму», западному снобизму или антизападному радикализму, а к крупным просчетам и проблемам на уровне практики международного взаимодействия (латентное неослабевающее противостояние России и НАТО, связанное с расширением НАТО на восток и разработкой систем ПРО ТВД, террористические акты «9/11», проблемы торговых и финансово-экономических дисбалансов, связанных с ростом Китая и

Азии, сложности в Ираке и Афганистане, различные оценки внутри мирового сообщества последствий вмешательства в ливийские события и др.) и внутренней политики в самих странах Запада (реакция на события «9/11», террористические акты, война с «Аль-Каидой», волнения в Париже и Лондоне, «ислаимизация» и «азиатизация» Европы, появление партий «истинных европейцев», дело А. Брейвика и т.д.).

Основная проблематика сегодняшней мировой дискуссии о связи экономической и политической модернизации и влиянии этих процессов на мировое развитие и мировую политику вращается вокруг двух стержневых гипотез. В соответствии с первой экономической рост сопровождается появлением устойчивых демократических форм модернизированной политической системы (С. Липсет). Гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов и политологов (А. Пшеворски, М. Алварес, Х.А. Чейбуб, Д. Асемоглу, Д. Робинсон и др.), так и эмпирическими примерами. Этому взгляду соответствует политический лозунг «экономика предшествует политике» в его различных теоретических и практических вариантах, озвученных как политологами (С. Липсет, А. Пшеворски и др.), так и политиками (Дэн Сяопин, У. Клинтон, В. Путин и др.). В соответствии со второй гипотезой, подсказанной жизнью и стихийно озвученной сначала политиками (В. Гавел, Л. Валенса), а затем политиками, экономистами, политологами (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Мельвиль), существует обратная причинная связь — «политика может предшествовать экономике» — сначала нужно целенаправленно форсированными темпами модернизировать политические институты, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некото-

рые эмпирические подтверждения (опыт стран Восточной Европы). В то же время она интенсивно дискутируется и оспаривается, к примеру, в России и Китае, что косвенно свидетельствует о роли фактора региональной специфики, так и не нашедшего адекватного контекста в этой дискуссии. Соответственно центральной становится проблематика идеальной, т.е. наиболее конкурентной, модели экономического и политического устройства, приближения существующих к этой модели и степень допустимости региональной/страновой вариативности ключевых параметров. Понятна и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутристрановых трансформаций («подталкивание» vs «стабилизация») и их влияния на международные отношения, мировую политику и практическую дипломатию. В то же время обозначенная проблематика не является предметом исследования ни в международных отношениях, ни в мировой политике, поскольку изучение современных международных отношений основано на плоскостной развертке международных связей основных акторов, прежде всего государств, а мировую политику интересуют структурообразующие факторы, а потому ход и результаты этой важнейшей дискуссии отражаются в этих дисциплинах в основном косвенно и в форме нормативных утверждений субъективного характера.

Российская востоковедная обществоведческая школа (мировое/зарубежное комплексное регионоведение, сравнительная политология, сравнительная мировая политика) — одна из первых национальных социально-гуманитарных научных школ, которая не только осознала, но и стала целенаправленно изучать новую мировую тенденцию повышения роли стран Востока в глобальных процессах, соединив в объяснении этого процесса мировые теории международных отношений и автохтонную традицию изучения общественных наук, изначально

но основанную на ньютоново-декартовом научном видении мира, но в целом не зашоренную регионально-страновыми предубеждениями в силу особой исторической судьбы нашей страны, находящейся географически, исторически, демографически, экономически и политически «между» Востоком и Западом. Особую роль в этом процессе сыграло наличие собственной, мирового класса, востоковедной традиции, очень рано обратившей внимание на роль структурных факторов, объясняющих отличия во внутренней организации двух крупнейших макрорегионов мира (дискуссия об «азиатском способе производства»). Однако в целом структурные исследования в международной сфере зарубежного регионоведения и сравнительного политического востоковедения, получившие дополнительный внутренний импульс к развитию в России после распада СССР, достаточно долгое время в самой России, как и в странах Запада, считались локальной экзотикой, которой можно было пренебречь, поскольку судьба мира, как считалось, решается на Западе, а созданные там теории наиболее адекватно объясняют мировую политику, международные отношения и политико-экономическую реальность. Такой взгляд на мировое развитие либо стопроцентно поддерживался, либо также стопроцентно оспаривался, а оспаривание рассматривалось прежде всего как признак ретроградности. Это привело к ситуации, когда предлагалось слепо копировать сначала западную, а затем, когда это встретило экономические и внутриполитические затруднения, точно так же слепо копировать восточную модель развития без учета последствий их применения к российской реальности/российской специфике. Эта специфика либо полностью отрицалась, либо чрезмерно выпячивалась.

Однако в начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как

бы сжиматься, а на первый план выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, наций, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становилось проблематичным. В связи с этим и сами западные исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока в мировой политике, пытаясь предложить новое целостное объяснение специфике процессов, происходящих в разных регионах мира. Возникла мировая дискуссия внутри единого западного и наиболее продвинутой части восточного политического и интеллектуального сообщества о роли региональных факторов в экономико-политическом развитии мира, хотя сам термин «региональный фактор», по крайней мере, на начальной стадии дискуссии и не употреблялся (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, А. Франк, П. МакНилл, Д. Лэндс, Е. Гайдар, К. Махбубани, Хатами и др.). Затем реальность нового века (события «9/11» и мировой финансово-экономический кризис) заставила пересмотреть некоторые из дотоле казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к незападноцентричным, объективистским объяснениям мировых политических и экономических процессов, пока все еще не представленных в виде целостных логически непротиворечивых объяснений. В соответствии с этой новой тенденцией, впервые объясненной в исследовании Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста³, существует три типа социального порядка: примитивный, естественный и открытый. Примитивный социальный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен, и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее — фрагментах) мира.

Существование естественного социального порядка (в системе аргументации Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста он не нуждается в вычленении специальных этапов структурной дифференциации) проходит, в свою очередь, определенные временные этапы: хрупкое естественное государство, базисное естественное государство и зрелое естественное государство. Однако, судя по всему, существуют и структурные подтипы естественного социального порядка, по-видимому, уже на этапе зрелого естественного государства: архаизированный, традиционный, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. Сегодня примерно 170 государств принадлежат к государствам с естественным социальным порядком. Кроме этого, существует и социальный порядок открытого доступа, который создали 25 государств. Государства с этими двумя типами социального порядка активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем если к естественному (социальный порядок естественного доступа) принадлежит большее количество государств, то считается, что открытый (социальный порядок открытого доступа) позволяет быстрее реагировать на непредвиденные политико-экономические обстоятельства, он лучше гасит негативные внешние и внутренние импульсы, при экономических кризисах имеет меньшую глубину падения и отката назад, имеет предохранители против возникновения системных кризисов и в силу этого стабильнее и в целом интенсивнее развивается. Ранее считалось, что переход от естественного социального порядка к открытому происходит автоматически и спонтанно по мере экономического развития общества и повышения его экономического благосостояния, главное — только понять и осознать эту историческую закономерность, подобно тому, как в свое время была осознана и обоснована историческая закономер-

ность неизбежности перехода всех стран от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму во всемирном масштабе. Последние научные и статистические исследования и, в частности, исследования компании Renaissance Capital, оценивающие изменения в политическом строе и уровень ВВП на душу населения в 150 странах мира за период с 1950 по 2009 г., свидетельствуют, что демократии с высоким уровнем валового внутреннего продукта на душу населения (выше 10 тыс. долл.) могут сформировать устойчивый тип открытого социального порядка (социальный порядок открытого доступа), что позволяет таким обществам устойчиво и относительно стабильно развиваться, но если доход превышает 19 тыс. долл. на душу населения, то вероятность построения социального порядка открытого доступа в государстве с естественным социальным порядком становится маловероятной⁴. Таким образом, в процессе трансформации социальных порядков ключевую роль, судя по всему, играют не только спонтанные, но и сформированные или формируемые факторы: понимание исчерпанности циклической модели развития, сознательный консенсус политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социального порядка и системы обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную и поступательную трансформацию, без чего невозможно строить современные устойчивые политические и социальные институты, без которых, в свою очередь, невозможно проводить дальнейшую экономическую модернизацию, без которой, в свою очередь, невозможно построить сильное, благополучное и свободное государство. Такой подход позволяет понять внутреннюю связь между формами социального порядка и политическими системами, т.е. роль внутриполитических факторов в развитии, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных

процессов в государствах разного типа на характер международных отношений и процесс мирового развития, т.е. анализировать и прогнозировать влияние разных типов социальных порядков на взаимоотношения государств в международной сфере. Это способствует пониманию причин существования разных теорий объяснения международной реальности (реализма, идеализма, прагматизма, конструктивизма и др.), а также западноцентричных и незападноцентричных подходов к международным отношениям. Одновременно такая постановка проблемы требует применения комплексных, интегральных подходов к анализу мировой и региональной реальности.

Одной из пионерских книг, в которой было предложено пересмотреть западноцентричный подход к мировым процессам и международной политической экономии, стало исследование А.Г. Франка⁵, открывшее путь трем крайне важным и интересным прикладным теоретическим научно-исследовательским работам: Б. Бузана и О. Уэвера⁶, П. Катценштейна⁷, А. Ачарии и Б. Бузана⁸, упрощившим в англоязычной литературе по международной проблематике понимание необходимости выработать новые исследовательские интерпретации мировых и региональных процессов. В последнем исследовании также была проанализирована и оценена вероятность появления незападных теорий международных отношений в ареале стран Восточной Азии, в целом интегрирующих и экономически модернизирующихся значительно быстрее других незападных регионов мира, а кроме того, и породивших страны, сумевшие перейти в XX в. от естественного социального порядка к открытому, правда, со своей национальной спецификой (Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг), либо находящиеся на пути перехода от естественного социального порядка переходного типа (гибридный или переходный)

к открытому (Индия, Шри-Ланка, Турция, Малайзия).

Следует отметить, что такого рода идеи возникали и раньше, но осознание необходимости собственной теоретизированной рефлексии в области международного развития, а соответственно, и обобщение этой тенденции, невозможно в немодернизированных обществах, не освоивших мировую политическую теорию международных отношений и экономическую политологию в их современных формах⁹. Осознание этого факта может сопровождать, но не способно предшествовать модернизации¹⁰. Появление такого рода исследований ознаменовало и одновременное наступление этапа более глубокого и непредвзятого научного осмысления проблематики в англоязычной исследовательской традиции, хотя в ряде работ (к примеру, у А. Франка) явственно ощущается и их полемическая направленность с классическими «западноцентристскими» исследователями (П. МакНил, Д. Лэндс¹¹), а А. Ачария и Б. Бузан, несмотря на заострение проблемы появления незападных теорий международных отношений, в целом достаточно сдержанны в оценках перспектив построения таких теорий. В 2010 г. «западная» и «восточная» интерпретации мировой истории были суммированы в исследовании Йэна Морриса¹², в котором была показана историческая ограниченность западноцентричного и восточноцентричного видения истории с точки зрения прогнозирования тенденций будущей синтетической парадигмы развития человечества, основные контуры которой только начинают вырисовываться. В то же время такая постановка проблемы не отменила необходимость анализа дихотомии Восток/Запад с точки зрения понимания специфики протекания социально-политических процессов и строения социального порядка на конкретных этапах развития истории человечества в региональных сегментах ми-

ра, несмотря на понимание того факта, что дихотомические противопоставления априори предполагают методологическую редукцию.

Постепенно, по крайней мере части наиболее продвинутых и парадигмально не зашоренных исследователей, стало ясно, что **рост межгосударственного взаимодействия** на региональном и макрорегиональном уровнях в качестве значимой тенденции мирового развития, **экономическая и политическая модернизация, открытый регионализм, регионализация** и появление феномена **макрорегионального и трансрегионального сотрудничества (трансрегионализма)** — а именно с этими новыми глобальными тенденциями и связано так же, как и в случае стран Запада на другом временном отрезке его развития, действительное повышение роли стран Востока в мировых процессах — определяют не только экономические, но также политические, социально-культурные и цивилизационные факторы, поскольку в каждом из региональных сегментов существует свой уникальный состав государств с разными типами социального порядка. В связи с этим действительно на конкретном историческом этапе развития вероятен переход мировой системы к реальной полицентричной структуре со сложной конфигурацией взаимодействия Запад — Восток/Север — Юг, основывающейся на усилении политико-экономической интеграции внутри регионов, появлением противоречий, связанных с необходимостью государств с разными типами социального порядка конкурировать и сотрудничать на пространственно сопредельных региональных сегментах, и одновременно развивать трансрегиональное сотрудничество, которое является в новых условиях специфической формой глобализации; формированием на этой базе мировых центров (включая новые) разной степени конкурентоспособности и, одновременно, проявлением противоречий между

ними — культурными, экономическими, политическими и иными. В ходе разрешения этих противоречий и происходит дальнейшее развитие мировой системы в рамках эволюции и трансформации мировых порядков вплоть до перехода международной системы в новое над- и транснациональное качество. Такая постановка вопроса подразумевает переосмысление проблемы мирового лидерства и эволюцию и/или трансформацию его характера от военно-экономического к структурно-политическому, включая вариант коллективного трансрегионального лидерства и мирового регулирования (G20), аналогичного, но не конгруэнтного ни по форме, ни по содержанию «концерту великих держав» XIX в., поскольку оно основано преимущественно на усилении новой тенденции кооперативного взаимодействия, а не на военном балансировании. Современные официальные парадигмы международных отношений в рамках специализированных государственных институтов — министерств иностранных дел, признавая необходимость сотрудничества, осознают эти процессы пока в основном только в рамках переосмысленного реализма и неореализма и плохо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа с проблематикой экономической и политической модернизации, в то время как реальное политико-экономическое наполнение этого процесса, как стало ясно в ходе мирового финансово-экономического кризиса, сложнее и многомернее, а стремление к сотрудничеству и развитию, даже при стремлении укрепить и обезопасить свой суверенитет от внешних опасностей, превращается в превалирующую тенденцию начала XXI в., которую не смогли подорвать даже мировые террористические акты.

Дело в том, что появление реальной полицентричности и усиление регионализации на конкретном историческом этапе может как бы притормозить

глобализацию, но это не обязательно означает усиление противоречий внутри мировой системы, чреватых войной, как считают представители теорий реализма, а наоборот, может свидетельствовать скорее об ускорении процесса взаимозависимости и гомогенизации внутри макрорегиональных комплексов, за которой последует новый виток трансрегионального сотрудничества и глобализации уже на основе сформированных макрорегиональных и трансрегиональных объединений разной степени конкурентоспособности. В рамках такого концептуального научного, а не нормативно-идеологического объяснения, макрорегиональные комплексы (НАФТА и Транстихоокеанское партнерство, ЕС, ВАС, АСЕАН, СНГ и др.) могут выступать в качестве прообразов новых центров полицентричной мировой системы, основанной на преобладании кооперативистских тенденций, трансрегиональные образования (БРИКС) — способствовать подъему новых мировых центров, т.е. способствовать выравниванию мирового пространства путем трансрегиональной кооперации нового типа, а теории регионального уровня — существенно дополнить, а возможно, и восполнить существующие сегодня теории международных отношений и мировой политики.

Как мы видим, экономический кризис перетряхнул мир, но не породил угрозу нового общемирового военного конфликта, а дал импульс к укреплению международного сотрудничества по его преодолению. Одновременно, перейдя из экономической в социально-политическую фазу, мировой кризис подтолкнул к поиску новых объяснений неравномерности развития глобализирующегося мира, преодолению этой тенденции и появлению незападноцентричных экономических теорий, объясняющих, подобно «Другому канону экономической науки» Эрика Райнерта¹³, причины мирового подъема и длитель-

ного стабильного развития стран Запада на конкретном историческом этапе его развития. Это понимание было синтезировано профессором Хэ Чуаньци в теорию двух фаз процесса всемирной модернизации¹⁵.

Следует констатировать, что существующая переходная модификация мирового порядка, более современного по своей структуре и типу по сравнению с предшествовавшими ему в XIX и XX вв. Вестфальским, Венским, Версальским и ранним Ялтинско-Потсдамским, породившими в XX в. две мировые войны и распад системы стран Варшавского договора и СССР, оказалась достаточно эластичной. Несмотря на целую серию военно-политических и финансово-экономических кризисов, последняя модификация мирового порядка устояла. Одновременно мировой порядок продолжил свою трансформацию эволюционным путем, в частности, путем политико-экономической модернизации государств, разновекторной и разноскоростной макрорегиональной и трансрегиональной интеграции, включая новые формы «мягкой интеграции», регионализации и открытого регионализма, перераспределения влияния между макрорегионами, трансрегионального сотрудничества и поиска новых политико-экономических моделей развития с целью преодоления экономической неоднородности мира, и вызвавшей, в конечном счете, мировой финансово-экономический кризис. В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о том, какие политико-экономические принципы определяют на современном этапе функционирование незападных/восточных обществ в отдельности и восточных регионов как единого целого, как эти общества реагируют на глобальные политические процессы; какие факторы, в конечном счете, определяют тенденции политической модернизации в странах Азии и Африки, как эти страны воспри-

нимают политическую модель «экстра-либеральной демократии американского типа», продвигаемую США в период президентства Дж. Буша-младшего и существенно переосмысленную и модифицированную Б. Обамой в ходе адаптации США к новой экономической и политической реальности, а также разные версии либеральной демократии в интерпретации разных стран Европы. Какие альтернативные модели политического и экономического развития (форм демократии и интеграции), и, в частности, моделей незападной демократии, нелиберальной демократии и гибридных режимов, формируются на Востоке, который также, несомненно, пытается модернизироваться и интегрироваться? Насколько новые формы демократии и интеграции альтернативны существующим, какова их экономическая и политическая перспектива? Могут ли они каким-то образом повлиять или как-то скорректировать вектор мирового развития? На новом этапе глобализации именно от этого, в конечном счете, и будет зависеть направление мирового развития, поскольку одни только западные страны, пусть и задавая общий вектор развития, уже не смогут определять судьбу всей планеты, даже если они и выйдут на новый уровень инновационного и технологического развития.

Дело в том, что государства с порядком открытого доступа по вэберовскому допущению монополюльно контролируют легитимное применение насилия путем подчинения военных сил контролю политической системы, гарантирующей смену власти в случае злоупотребления этим контролем. Эта способность основана на поддержке безличных отношений как внутри государства, так и в более широком масштабе¹⁵. Для физической защиты своего населения экономически самые развитые государства открытого социального доступа создали и самый мощный в мире военно-политический блок НАТО. «Военная сила» этого бло-

ка «политически» подкрепляет поддержку распространения системы безличных отношений в более широком масштабе. Распространение безличных отношений в целом способствует уменьшению опасностей столкновения государств в том числе и с разными системами социального доступа, так как государства не разоружаются и продолжают поддерживать свою военную силу. Как стало ясно в самом начале XXI в., после террористических актов в столицах ведущих государств с системой открытого социального доступа и их ответных военных кампаний в Афганистане, Ираке и Ливии, на нынешнем этапе мирового развития существовавшая ранее система баланса государств с разными социальными порядками перестала существовать. Система баланса поддерживалась наличием ядерного и военного паритета двух внеевропейских центров биполярности (СССР и США) международной системы европейского типа, логика которого подчиняла все другие интересы поддержанию этого паритета, поскольку в противном случае разразилась бы ядерная война. После распада биполярной системы Ялтинско-Потсдамский порядок начал эволюционно трансформироваться в новое качество, поскольку возникла потребность в новой, модифицированной системе мирового регулирования и поддержания мировой стабильности. Процесс трансформации в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным в связи с происходящей эволюцией категории национального суверенитета, воспринимаемой достаточно болезненно во всех региональных сегментах мира (в ЕС в связи с бюджетным дефицитом Греции, в России и Китае в связи с опасениями внешнего «подталкивания» этой эволюции, в Ираке, КНДР в связи с иракскими и ливийскими событиями и т.д.), но одновременно он еще очень далек от своего завершения.

Для стран Востока политический и экономический векторы модернизации

сегодня связаны прежде всего с поиском адекватного мировым закономерностям импортированного, либо автохтонного социально-экономического и политического развития, модернизирующего их социальные порядки и проходящего этапы, в целом сходные по структурным параметрам, но одновременно различные по временной последовательности и конкретному наполнению по сравнению со странами Запада. Некоторые из стран Востока к тому же активно экспериментируют на пути трансформации социального порядка. Все эти страны заняты поиском пути развития, повышающего уровень политической стабильности и благосостояния своих народов, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией в глобализирующемся мире, повышением авторитета, и, соответственно, места в сохраняющейся неформальной иерархизированной структуре мировой системы де-юре равных суверенных государств, совершенствованием своего внутреннего социального порядка и существующего мирового порядка, их эволюционной трансформацией, а не желанием кардинально переустроить мир, подорвать существующую мировую систему, хотя некоторые радикалистские движения и даже отдельные страны (страны с архаизированными социальными порядками или радикалистски настроенными элитами — так называемые «страны-изгои») пытаются, хотя и безуспешно, предпринять такие попытки. Создав и начав распространять систему институтов открытого социального порядка, Запад открыл эпоху освоения этих институтов другими государствами, в том числе и восточными, которые получили возможность конкурировать с Западом на пути создания более приспособленных, т.е. более конкурентных, региональных версий такого порядка. Конкретным историческим развитием макрорегиональных сегментов мира, структурой национально-го социального порядка и связанными с

ним цивилизационными особенностями функционирования экономической системы, типом и особенностями национальных политических систем и режимов, а также спецификой политической культуры на конкретных этапах развития макрорегиональных сегментов и определяется общий характер конкретного исторического этапа и одновременно вектор мирового развития. Сравнительный анализ политических систем мира и адекватное понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока, позволяет им и нам найти свое адекватное место в мировой системе, повысить уровень общей вовлеченности в мировую политику, самооценки и дружественного восприятия, одновременно не теряя перспектив общего направления развития, что предопределяет важность такого анализа для политиков и дипломатов, задача которых — уметь адекватно и непредвзято объяснить и спрогнозировать форму протекания мировых и региональных процессов, вовремя скорректировать опасные проявления, а не способствовать подрыву, невольно или нарочито, существующих моделей мировой стабильности. Практическая же задача политиков и политологов в этой связи — объяснить, почему одним странам удалось выйти на путь стабильного экономического и политического развития, а другие не могут выйти из постоянно повторяющихся циклов тупикового военного балансирования и воспроизводства уже существующих, неизменных или мало поддающихся изменению политических и экономических институтов, которые гарантируют периодические потрясения катастрофического типа (системные кризисы) и отставание от равномерно и поступательно развивающихся государств. Такие потрясения регулярно ставят перед дипломатами практическую задачу «восста-

новления», «повторных нормализаций», периодических «перезагрузок» отношений, которые могут быть более или менее удачными, а могут и не осуществиться вообще, либо ухудшить отношения с конкретными странами. В случае системного внутривнутриполитического кризиса они также чреваты в некоторых государствах на конкретных этапах их исторического развития «чистой» политической этажа внешнеполитического аппарата и опасностью мало продуманной «внешнеполитической переориентации». С этой точки зрения комплексно подготовленный международник (т.е. всесторонне методологически и практически подготовленный) и овладевший методологией кроссрегионального политического анализа, может представить уникальный «интеллектуальный продукт», синтезирующий знание мировых закономерностей (мировая политика и глобальные процессы), региональных закономерностей и региональной проблематики (кроссрегиональный политический анализ и комплексный анализ регионов мира) и глубокое понимание страновых и локальных особенностей (компаративный страновой анализ). То есть главной задачей курсов, основанных на методологии и практике регионального политического анализа, является выработка объективистского видения современных мировых и региональных процессов, отражающего последние тенденции мировой политико-экономической мысли, т.е. понимания не только западноцентристского, но и незападноцентристского взглядов на мир, в целом отражающих мировое развитие во всей максимально возможной комплексности и взаимосвязанности. Такое понимание мировых и региональных процессов предполагает:

— существование на конкретных исторических этапах развития разных типов социального порядка: примитивного, естественного (на разных временных этапах своего развития выступающего в виде хрупкого есте-

ственного порядка, базисного естественного порядка и зрелого естественного порядка, с выделением разных подтипов зрелого естественного порядка: архаизированного, традиционного, анклавного, анклавно-конгломеративного, конгломеративного, гибридного, переходного), открытого социального порядка и соответствующих им типов обществ: примитивных, архаичных, традиционных, анклавных, конгломеративных, анклавно-конгломеративных, гибридных, переходных и гомогенизированных/плюралистичных, транскультурных и синтетических). Характер их внутреннего развития и взаимодействия формирует единые общемировые тенденции, модифицированные применительно к конкретной временной (исторической) и пространственной (регионально-географической) реальности в связи со своеобразием внутрирегиональных факторов;

— наличие культурной и социально-психологической специфики (т.е. обусловленной страновой спецификой и типом социального порядка политической культуры, национальной психологии, национального характера, своеобразия национальной экономики и менеджмента), связанной с особой ролью трансформирующихся, но полностью не исчезающих временных и пространственных факторов, которые не отменяют/отрицают общемировые закономерности и тенденции, но, как правило, определяют характер, последовательность, скорость, временную протяженность, своеобразие этапов протекания общемировых процессов на региональных и национально-исторических этапах модернизации и развития;

— наличие разных архетипов модернизации, соотнесенных с разными подтипами обществ, временными этапами их развития и национальной спецификой;

— наличие разных видов, моделей, закономерностей экономического и политического развития, которые обус-

ловлены отличиями экономических и социально-политических структур в конкретных странах, и одновременно «вписанных» в глобальные политико-экономические закономерности развития мира.

Эти положения основаны на том, что в последнее десятилетие в мировой политической науке становится плодотворным слияние классического страноведения (*Area Studies*) и дисциплинарных (прежде всего политологических и политико-экономических) исследований (мировая политика, сравнительная политология, экономическая политология, международная политическая экономия и др.), с опорой прежде всего на методологическую базу политической науки. В основе этого научного синтеза лежат принципы структурно-пространственного временного (темпорального) кроссрегионального политического анализа¹⁶. За последние несколько лет российскими политологами были не только разработаны методологические принципы, но и подготовлена целая серия изданий на эту тему¹⁷. Эти издания позволяют выявить сравнительную перспективу в специфике и временной динамике социально-политических процессов на Востоке, все более и более влияющем на общие тренды мирового развития, и одновременно понять, что в национальных моделях модернизации и развития может быть скорректировано (и каким образом), чтобы рационально ускорить этот процесс, сокращая путь там, где его возможно сократить на основе научно корректного теоретического понимания глобальных процессов и накопленного мирового опыта, не насилуя и демографически ослабляя население своей страны, если модель чередования этапов мобилизации/стабилизации полностью исчерпала свой потенциал для развития, одновременно понимая историческую неизбежность прохождения фаз развития, уже пройденных другими государствами мира и неизбежных для прохождения последующими.

- ¹ Транснациональные политические пространства: явление и практика. / отв. ред. М.В. Стрешнева. М. : Издательство «Весь мир», 2011. С. 121 [Transnatsionalie politicheskie prostranstva: javlinja i praktika. / Ed. M.V. Strezhneva. M.: Ves' Mir, 2011. P. 121]
- ² О роли анархического взаимодействия суверенных государств и формах обеспечения порядка в международных отношениях см. классическое основополагающее исследование Хедли Булла: Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977.
- ³ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Издательство института Гайдара, 2011. [Nort D., Wallice D., Waingust B. Nasilije i socialnie porjadki. Kontseptyal'nie ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva. M. : Gaidar Institute, 2011].
- ⁴ См. также: Асемоглу Д., Робинсон Д. Экономические истоки диктатуры и демократии. М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2011 [Asemoglu D., Robinson D. Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii. M.: GU-VShE, 2011].
- ⁵ Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
- ⁶ Buzan B., Waever O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- ⁷ P. Katzenstein P. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- ⁸ Non-Western International Relations Theory. / ed. A. Amitav, B. Buzan. New York: Routledge, 2010.
- ⁹ См., к примеру, их некоторые национальные версии: Современная мировая политика / под ред. А.Д. Богатuroва. М. : Аспект Пресс, 2009; Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М. : КомКнига, 2010; Экономическая политология / под ред. А.Д. Богатuroва. М.: Аспект Пресс, 2012 и др. [Sovremennaja mirovaja politika. / ed. A.D. Bogaturov. M: Aspekt Press, 2009; S.A. Afontsev Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika. M: KomKniga, 2010; Ekonomicheskaja politologija. / ed. A.D. Bogaturov. M.: Aspekt Press, 2012.]
- ¹⁰ Chan S. Beyond the North-West: Africa and the East / Contemporary International Relations: A Guide to Theory / ed. A.J.R. Groom, Margot Light. London & New York: Pinter Publishers, 1994. P. 248.
- ¹¹ McNeil W. The Pursuit of Power. Chicago: University of Chicago Press, 1982; Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008; Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some Are So Poor. New York: Norton, 1998.
- ¹² Morris I. Why the West Rules — For Now. The Patterns of History and What they Reveal about the Future. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
- ¹³ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными? М. : Высшая школа экономики, 2011 [Rajnert E.S. Kak bogatye strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostajutsja bednymi? M.: Visshaja shkola ekonomiki, 2011].
- ¹⁴ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М. : Издательство «Весь мир», 2011 [Obzornyj doklad o modernizatsii v Kitae (2001–2010). M. : Ves' mir, 2011].
- ¹⁵ Норт Д., Уоллис Д. и Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Издательство института Гайдара, 2011. С. 71–72 [Nort D., Wallice D., Waingust B. Nasilije i socialnie porjadki. Kontseptyal'nie ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva. M: Gaidar Institute, 2011. P. 71–72].
- ¹⁶ Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 494–500; Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. С. 3–14; Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток — Запад — Россия. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144 [Voskresenskij A.D. Teoretiko-prikladnye aspekty regionalnogo izmerenija mezhdunarodnyh otnoshenij // Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika / ed. A.V. Torkunov. M. : Prosveshenije, 2004. P. 494–500; Voskresenskij A.D. Predmet i zadachi izucheniya regionalnyh podsystem mezhdunarodnyh otnoshenij // Vostok/Zapad: regionalnye podsystemy i regionalnye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij / ed. A.D. Voskresenskij. M. : ROSSPAN, 2002. P. 3–14; Voskresenskij A.D. Regionalnye podsystemy mezhdunarodnyh otnoshenij i region mira (k postanovke problemy) // Vostok-Zapad-Rossija. M. : Progress-Traditsija, 2004. P. 141–144].
- ¹⁷ Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002; Китай в мировой политике / отв. ред. А.В. Торкунов, вступит. слово А.В. Торкунова, отв. составитель А.Д. Воскресенский. М. :

РОССПЭН, 2001; Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского, отв. сост. и научн. ред. А.Д. Воскресенский, К.П. Боришполец. М. : РОССПЭН, 2004; Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008; Восток в мировой политике. Сравнительный анализ мировых процессов // Сравнительная политика. № 2. 2010 (спец. выпуск / под ред. А.Д. Воскресенского и Д.В. Стрельцова); Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы : науч.-метод. комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011 [Vostok/Zapad: regionalnye podsistemy i regionalnye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij / ed. A.D. Voskresenskij. М. : ROSSPAN, 2002; Kitaj v mirovoj politike. / ed. A.V. Torkunov, preface A.V. Torkunov, editor A.D. Voskresenskij. М. : ROSSPAN, 2001; Severo-Vostochnaja i tsentralnaja Azija. Dinamika mezhdunarodnyh i mezhregionalnyh vzaimodejstij. / ed. A.D. Voskresenskij, responsible and scientific editors A.D. Voskresenskij, K.P. Borishpolets. М.: ROSSPAN, 2004; Konflikty na Vostoke: etnichesie i konfessional'nie. / ed. A.D. Voskresenskij. М. : Aspekt Press, 2008; Vostok v mirovoj politike. Sravnitel'nyj analiz mirovyh protsessov. // Sravnitel'naja politika. 2010 № 2. (special issue ed. A.D. Voskresenskij, D.V. Streltsov)].